

“ВСЕХ ЗНАЕМЫХ И НЕЗНАЕМЫХ...”

© 2017

З.В. Островская

Мученики (гр. *μάρτυρ*, лат. *martyr*) — древнейший сонм святых, прославляемых Церковью за мученическую смерть, принятую ими за веру. Тех, кто выжил после мучений и скончался своей смертью, называют исповедниками. Священнослужители, которые претерпели мучения за Христа, почитаются как священномученики.

Полигон

Бутовский полигон — это большой участок земли на территории деревни Дрожжино Московской области, обнесенный забором с колючей проволокой. За забором — деревянная маленькая церковь, старые деревья, аккуратно постриженные поляны, на которых возвышаются длинные захоронения.

Захоронения — погребальные рвы, выкопанные экскаватором, — пять метров в ширину и около четырех — в глубину. В августе 1997 года по благословению патриарха Алексия II участок одного такого рва, площадью 12,5 м² был вскрыт и детально изучен, чтобы доказать, что на полигоне действительно расстреливали и хоронили. В раскопках принимали участие археологи, судмедэксперты, специалисты по огнестрельному оружию. На вскрытой поверхности были обнаружены останки около 150 человек, лежащих вперемешку, в несколько ярусов.

“Тем не менее до сих пор некоторые жители этого поселка имеют либо смелость, либо наглость, либо наивность, в том числе и перед журналистами центральных каналов, говорить, что все это неправда” [1].

На сегодняшний день известны 13 рвов общей протяженностью 900 метров. Явно есть и другие захоронения — к северу от территории — более ранние, до 1937 года. Насколько они велики — неизвестно, исследования еще не проводились.

У самого края рвов стоит традиционный сруб деревянной церковки, будто и вовсе возраста не имеющей. Она как бы олицетворяет собой долю новых священномучеников, которые составляли численно не большее, но идейно мотивирующее и организующее начало в системе ценностей Руси на протяжении сотен лет. Она смотрится на фоне огромного белокаменного храма, по смыслу истории, символизирующего общую жертву нашего народа в двадцатом веке. Кажется, вот

**ЛИЧНОСТЬ
И ВЛАСТЬ**

Островская
Злата
Владимировна —
ответственный
секретарь журнала
“Человек”. E-mail:
zo@yandex.ru

Поклонный крест
на территории
полигона

Все фотографии с
сайта www.martyr.ru

место, где всем живущим, без различия прошлого, сойтись в покаянной молитве и просить у Господа, чтобы никогда не повторилось в Отечестве нашем кровопролитие и братоубийство.

9 августа 2001 года постановлением Правительства Московской области “Бутовский полигон” был объявлен памятником истории и культуры местного значения. Вместе с охранными зонами общая площадь памятника истории составила около 3 кв. км.

“Русской Голгофой” назвал Патриарх Алексей II “Бутовский полигон”, крупнейшее в Московском регионе место массовых расстрелов и захоронений жертв террора середины XX столетия. Только в период с августа 1937-го по октябрь 1938 года здесь погибло более 20 000 человек: простые крестьяне, рабочие и служащие, интеллигенция, быв-

шие военные, общественные и государственные деятели. Около 1000 человек были осуждены и расстреляны за исповедание православной веры. Более трехсот из них прославлены Русской Православной Церковью в лике святых.

Сонм новых мучеников в Бутове пострадавших возглавляют семь архиереев: сщмч. Серафим (Чичагов), митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский, архиепископ Можайский Димитрий (Добросердов), архиепископ Владимирский и Суздальский Николай (Добронравов), епископ Бежецкий Аркадий (Остальский), епископ Нижнетагильский Никита (Делекторский), епископ Велижский Иона (Лазарев), епископ Серпуховской Арсений (Жадановский). Здесь же расстрелян последний наместник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры (до момента ее закрытия), преподобномученик Кронид (Любимов). Вместе с иерархами пострадало и несколько сотен священников, монашествующих и мирян Русской Православной Церкви. Всем, проходящим по церковным делам, предъявлялось стандартное обвинение: антисоветская агитация, контрреволюционная деятельность. Но поводы для обвинения могли быть самые разные, например: “сохранение церкви и насаждение тайного монашества”, “недоносительство” (“знал о беглом попе и не донес”), помощь ссыльным, приют бездомных священнослужителей, хранение икон или Библии, молитвенников. Среди расстрелянных священнослужителей много известных и глубоко почитаемых иереев.

Деревянный храм
на полигоне

“Бутовский полигон был открыт для общественности и для Церкви трудами людей нецерковных. В начале 1990-х годов была создана группа по увековечиванию памяти пострадавших в годы репрессий, и трудами этой группы в архиве КГБ были обнаружены документы о расстрелах 20761 человека — это были акты о приведении в исполнение приговоров. Нигде на этих документах не было указано, где эти люди расстреляны.

По указанию тогдашнего руководителя московского управления, как оно называлось, министерства госбезопасности Севастьянова было проведено специальное расследование, которое показало, что эти люди были расстреляны в Бутово. В 1993 году здесь, в Бутово, был установлен небольшой каменный знак в память о пострадавших, и была начата обработка архивно-следственных дел, потому что в документах, которые я упомянул, были только фамилии, имена и отчества, дата рождения, место рождения и, соответственно, дата смерти. Но что это за люди, понять было невозможно.

Стали исследовать архивно-следственные дела, и выяснилось, что среди пострадавших очень много священнослужителей. Эти материалы через Варвару Васильевну Чичагову (внучку митрополита Серафима (Чичагова), впоследствии игуменю Серафиму) были переданы в Церковь. Они оказались у Святейшего Патриарха Алексия, и Святейший сразу решил, что на этом месте надо строить храм-памятник, и выразил желание сюда приехать.

Весной 1994 года здесь был установлен и освящен крест (к сожалеению, Святейший заболел и сам приехать не смог). И после этого началась деятельность по созиданию храма здесь, на Бутовском полигоне. Естественно, наша община стала заниматься не только строительством храма, но и приведением в порядок территории захоронения, потому что она была в ужасном состоянии: заросшая, замусоренная. Естественно, встал вопрос, а где, собственно говоря, рвы, где могилы. Стали предприниматься первые шаги к исследованию этой территории.” [2].

Мы помним, мы плачем

Шесть вечера, октябрь, а полигон уже ночной — только красные огоньки лампадок на возвышениях расстрельных рвов мерцают, как маленькие сердечки. У кафедры, уставленной лампадками, читают имена расстрелянных здесь (30 октября день памяти начала террора). Деревянный освещенный храм, холодно... Идешь вдоль рвов с тихой молитвой и в этой тишине вдруг до дрожи явственно ощущаешь, видишь душой — разрытая земля, какой-то тусклый свет, люди, стоящие у края ямы, их ужас, боль, смятение... и выстрелы. Кто-то из них не успел почувствовать ничего, кроме страха, кто-то обреченно прослушал приговор, кто-то яростно вскрикнул, а кто-то успел обратиться к Господу с последней молитвой. И Он услышал их — так хочется в это верить! Голоса читающих разносятся в тишине, как внятные сигналы: **мы помним, мы плачем...**

Как много уже написано об этом, как мало мы об этом знаем! Как много споров и непонимания вызывают в нас эти страницы истории... Почему? Когда я первый раз попала на это место, окруженное забором с колючей проволокой, вошла в только что поставленный деревянный храм, я ощутила физическую боль, такую сильную, что вынуждена была выйти из церкви. Еще ничего не знала, да и не было известно, что здесь погребено более двадцати тысяч человек. Через некоторое время удалось отстоять службу, через силу. В маленьком храме за ситцевой занавеской вместо алтарных врат служили два клирика — один прямо мальчонка, другой тоже совсем молодой — и непонятно было, что можно здесь сделать, и не верилось, что они могут здесь сделать. Прошло несколько лет, и боль стала проходить. Сначала думала — привыкла, потом поняла — молитва “делает свое дело”. Все стало меняться — и территория полигона, и храм, и люди, и мысли.

Почему мысли? Почему до сих пор вызывают споры эти события, почему очень многие люди не согласны с определением “новомученики и исповедники”? Отец Кирилл, настоятель храма Новомучеников и исповедников российских в Бутово считает, что такая страшная жертва, как расстрелянные на полигоне, может и должна стать основой для сплочения народа,

основанием недопустимости повторения в нашей истории подобных действий. Но часто сам с горечью констатирует, что пока малое число людей посещает это страшное место, названное патриархом Алексием II Русской Голгофой.

“... Возникает вопрос, станем ли мы достойны перенесенных нашими отцами и дедом страданий, их жертвы? Сегодня люди в России по-разному относятся и к подвигу новомучеников, и вообще к страданиям, перенесенным нашим народом в XX веке. Многие говорят: зачем ворошить прошлое? А ведь наши отцы и деды страдали и за нас! Сегодня у нашего народа почти не осталось духовных ценностей, которые бы объединяли его в единое целое. Мы связаны только языком и единым географическим пространством. В то же время у большинства наших соотечественников, как это ни страшно, есть родственники, пострадавшие в те годы. Не только за веру — в том же Бутово в одних могилах лежат и святые, и те, кто их расстреливал. Ведь вскоре после массовых расстрелов верующих многие сотрудники НКВД также были репрессированы.” [3].

В этой земле лежат очень разные люди — разных убеждений, национальности, социального положения и вероисповедания. У всех разные “основания” для расстрела. Церковь прославила и причислила к сонму мучеников более трехсот человек — людей, не отрекшихся от веры в Христа, сохранивших твердость и самообладание до конца и, наверное, успевших обратиться к Нему с последней молитвой. Мы не знаем, было ли это “Слава Богу за все” или немое вопрошание, или тихое смирение, или... Но это было **приятие** такой смерти. И это приятие делает их новомучениками. А ведь нужно было только согла-

Памятник истории
“Бутовский
полигон”

В день памяти жертв
политических
репрессий
30 октября

ситься, что Бога нет, или притвориться, или “осознать, что заблуждался” и был шанс остаться в живых. Не согласились, не притворились, не “осознали”.

Уходя с полигона, погрузившегося в ночь, несу в себе тихое, откуда-то, от них, упавшее в сердце: *помните нас, плачьте о нас...*

“Мы все новомученики...”

Но сколько раз задаются вопросы, почему именно расстрелянные здесь — новомученики? Разве сотни тысяч расстрелянных в разных местах страны не входят в этот мартиролог? Разве тысячи раскулаченных семей, замерзших в степях и погибших, практически не известных никому, кроме историков — не новомученики? А сотни тысяч не погребенных солдат войны, остающихся таковыми по сей день, не новомученики?

Все они, погибшие от репрессий или вражеских пуль, закончили жизнь не имея выбора, это жертвы исторических обстоятельств и память об этих жертвах — это наша историческая горькая память. Новомученики сознательно принимали смерть за Христа — это память духовная, соединяющая с мучениками всей истории христианства.

“Когда в 1994 году здесь устанавливали крест, освящавший его владыка Сергей (ныне митрополит Воронежский и Борисоглебский, а в то время архиепископ Солнечногорский) сказал, что здесь каждый нес свой крест — и те, кого расстреливали, и те, кто расстреливал. Тогда я не принял эти слова, но теперь понимаю, что владыка был прав. Поэтому нужно не искать правых и виноватых, а обратиться к памяти жертв репрессий. Обращение к этой памяти может стать платформой для объединения народа.” [4].

Те, кто расстреливал на полигоне, на Соловках и других лагерях, лежащие здесь, в Бутово, они тоже мученики. Примиряющая, казалось бы, фраза, сказанная митрополитом Зарубежной церкви Лавром о том, что мучители и мученики, покоящиеся здесь, своей жертвой — жизнью, должны наконец примирить “белых и красных”, “своих и чужих” и дать импульс к созиданию единства народа, как видится, пока не дала видимых результатов.

Один результат безусловно есть. Когда приходишь сегодня на Бутовский полигон и видишь новый храм (открытый рядом с полигоном в 2007 году), похожий на белокрылого лебедя, видишь теплый и домашний деревянный храм, ухоженную территорию, постоянно улучшающуюся — не верится, что все это сделано малыми силами настоятеля, прихода и небольшой группы энтузиастов. Впрочем, малыми — это неверно. Силами мощными, поддерживаемыми духом новомучеников и непоколебимой уверенностью в необходимости своего служения.

Можно здесь вспомнить теорию малых дел (подходит для церкви) и, видя сегодняшней полигон, понимаешь, как малые дела могут стать великими.

“Слава Богу, в Церкви происходит осознание этого подвига. В честь новомучеников освящаются храмы, крестятся новопросвященные. Новым святым пишутся иконы, им совершаются богослужения, в их память проходят крестные ходы, организуются конференции. Ведется многолетняя полемика о критериях, необходимых для прославления в лике святых того или иного члена Церкви, пострадавшего в те страшные годы гонений. И видение подвига новомучеников как свидетельства о любви, о чем учил приснопамятный митрополит Антоний, является важным вкладом в соборное осознание значения и величия подвига, совершенного великим сонмом новых мучеников Церкви Русской.” [5].

Вот община и настоятель, ее возглавляющий. Тот, что казался слишком молодым, чтобы что-то открыть мне или повести. Но прошло более 20 лет! Настоятель, казавшийся слишком молодым, уже седой. Оказалось, что его дед, священник Владимир Амбарцумов, расстрелян здесь и причислен к сонму святых. Трудно представить, сколько сил и души вложено им в это место! Вот самый очевидный и покоряющий пример того, как человек может делом, вопреки всему, собирать память, отстаивать память, отстаивать дело своей жизни — прося поддержки у Бога, надеясь и опираясь на людей. Вот уж действительно “по делам их узнаете их”! Кажется невероятным, что община со своим настоятелем, трудом и молитвами превратили это место в мемориал, главное — в молитвенный мемориал. Проходя сегодня по полигону, ощущаешь покой, душевный мир, несмотря на то, что знаешь его историю. Это литургический мир, намоленность (отмоленность?), прощение и сострадание, которые, благодаря постоянным службам, окутывают человека в этом месте.

“Когда храм построили и начались регулярные богослужения, народ почти не приходил. Было тяжело. Мне тогда многие коллеги, друзья задавали вопрос: зачем тебе это надо?! Некоторые недоумевали: как можно оставить в общем-то благополучно накопанный мирской путь с понятными условиями существования и начать в зрелом возрасте новую, принципиально иную деятельность?! Но я чувствовал, что должен быть здесь и что то, что мы делаем — необходимо! Думаю, что без Божия благословения у нас бы ничего не получилось”.

“Эта мысль подтверждается опытом жизни на полигоне. Дело в том, что люди, которые лежат в этих рвах, были мировоззренчески очень разными. Здесь пострадали православные, верующие люди, некоторые из них канонизированы в лике святых, но были и люди, далекие от каких-либо религиозных исканий. В первом случае люди сознавали, что происходит, на что они идут. Вторые, напротив, вообще ничего не понимали и нередко даже теряли человеческий образ” [6].

А принесение Соловецкого креста! Этот грандиозный путь с Соловков до Бутовского полигона по водам — озерам, рекам и каналам России — как пульсирующая артерия памяти! Трудно представить, каких сил и молитв стоил он настоятелю, трудно не преклонить голову перед этим делом!

Что объединяет здесь

“Как верующий я редко вспоминаю о новомучениках. Но я еще и исследователь — много лет я занимаюсь житиями святых и историей Церкви: читаю монографии, жития, изучаю документы, и вижу, как опасно рассматривать подвиг новомучеников как борьбу против советской власти или, напротив, рас-

Протоиерей Кирилл (Каледа), настоятель храма Новомучеников и исповедников Российских. О. Кирилл родился в православной семье. Отец — протонерей Глеб Каледа, профессор, доктор геолого-минералогических наук, в 1970 году был тайно рукоположен в священники, с 1990 — был настоятелем храма в Бутырской тюрьме. Мать — Лидия Каледа, дочь священномученика Владимира Амбарцумова, расстрелянного в Бутово в 1937 году. О. Кирилл закончил геологический факультет МГУ, кандидат геолого-минералогических наук. В 1994 году избран председателем приходского совета общины, в 1998 году рукоположен в иереи и назначен настоятелем храма. Член Межведомственной комиссии Правительства Москвы по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий.

смагивать их как апологетов режима. Они отдавали жизнь за Христа, а не за какую-то форму устройства Церкви или государства. Именно свидетельство о Христе — главная тема любого мученика. В противном случае Церковь превращается в одну из разновидностей партии...” [7]. Очень хотелось бы не согласиться с приведенной мыслью, но когда слышишь, как много говорится здесь о безбожном времени, о политических репрессиях чувствуется все же какая-то политизированность. Сегодня полигон еще — памятник истории, сюда привозят экскурсии, приходят политические и общественные деятели. Создается новый мемориал — Сад памяти, заложенный летом 2015 года, Научно-просветительский центр. Создается попытка объединить религиозное и политическое?

Мы все апеллируем к государству: пусть оно даст денег, пусть “заставит чтить”, пусть создаст памятники, ведь делает же оно все это для памяти победы в Великой Отечественной войне. Но погибших в войну невозможно забыть потому, что они были практически в каждой семье, а главное, потому что

никому не нужно было объяснять, за что они погибли — они погибли за каждого живущего сегодня.

Расстрелянные тайно сограждане, во всяком случае часть из них, как выяснилось, были сами причастны к страшным злодеяниям. И заставить почитать *всех* погибших на российских полигонах невозможно, даже если человек очень просвещен и начитан. И это, видимо, инстинктивно чувствуют люди сегодняшнего дня. Это вопрос *личного* выбора, *личного* мировоззрения.

Должно ли такое место быть музеем? “Памятник истории” — написано на постере у поклонного креста. Может, это памятник памяти? Зов к ней, настойчивый, проникающий в сердце своей молитвенной тишиной и горечью произошедшего здесь.

“Забвение может привести к потере национальной идентичности. И ошибочно думать, что это беда только нашего времени, результат глобализации. Нет! Это явление было известно еще в ветхозаветные времена. Достаточно вспомнить, что царь Навоходносор переселял евреев из Палестины... Оторванные от корней люди теряют почву под ногами, становятся неустойчивыми, и поэтому ими легко управлять, манипулировать, лепить из них нечто новое. Это пытались сделать большевики, переселяя народы внутри Советского Союза, и в общем-то они преуспели. Важно видеть, что сегодня общество очень разрозненно. Мы живем сиюминутными, частными интересами. И общая трагедия — репрессии 1930-х, в том числе Бутово, — может объединить, сплотить нас” [8].

Что может объединять нас здесь? Боль, страх, жалость, сострадание? Может ли объединять страх? Как боль, как жалость и сострадание? Или от страха теряется что-то важнейшее в человеке и вряд ли стоящие под прицелом на краю рва чувствовали себя едиными. Но страх точно объединяет в жизни, особенно в непростых или опасных ситуациях.

Опубликованные результаты опроса по переименованию станции Войковская показали, может ли объединить трагедия. Видимо, нет, потому что сама трагедия одними воспринимается так, другими совсем иначе. И жизненные примеры это подтверждают.

Сопричастность

Делание памяти может быть “просто”: кто-то, даже один, начинает и собирает сначала лежащее на поверхности, потом находит союзников, единомышленников и уже вместе совершают это делание, *растят это дерево памяти*. “Нельзя прославлять одновременно и убиенных, и их убийц” — сказал патриарх Алексей II. Но молиться о них можно..?

В конце служб священник возглашает молитву о памяти *всех знаемых и незнаемых* новомучениках и исповедниках российских.

Новомученики — это приятие смерти, согласие со смертью, смиренное понимание, что это испытание заслужено и созна-

тельная духовная готовность это испытание пройти. Понять Божию волю в таком конце...

“Конечно, подвиг новомучеников удивителен. Каждый, кто страдает за веру Христову, страдает не за свои ошибки и прегрешения, а участвует в страданиях Господа нашего Иисуса Христа, сострадает Христу. Для тех, кто претерпел до конца, мученичество становится наградой. Недаром говорится: “Принял мученический венец”. Венец — знак победителя. Многие наши отцы, деды, бабушки оказались верными чадами Церкви, достойно пронесли звание христиан через гонения, сохранили в те страшные годы образ Божий, данный от рождения каждому человеку. При изучении следственных дел невозможно не заметить разницу между поведением верующих и неверующих. Маршалы, не раз смотревшие смерти в лицо, писали такие небылицы о себе и своих близких... (Я говорю это не в осуждение — не дай Бог кому-либо из нас оказаться на их месте.) А простая неграмотная монахиня совершенно спокойно говорила в глаза своим мучителям, что советская власть не вечна, а послана нашему народу в наказание за грехи, для очищения.” [9].

Чувство сопереживания, сопричастности происходившему здесь тогда, просыпается, прорастает из глубины души и, как маленькое сердечко лампадки, трепещет и бьется. Понимаешь, что так не может быть каждый день, потому что это душевное усилие — выволить этот трепет из своих глубин — дается непросто. Но когда оно совершено, ты понимаешь, что это соединение твоей души с болью упокоенных здесь душ и есть настоящая память, память сердца.

Храм Новомучеников и Исповедников Российских (нижний) и Воскресения Христова. Заложен Алексием II и митрополитом Лавром

В день памяти
начала
политических
репрессий
30 октября

Символ — материальное обозначение определенной идеи. В этом смысле символическое значение Бутовского полигона — это память о прошлом, которое необходимо формирует нашу ценностную мотивацию для текущего настоящего. Не для истории, а для того молодого поколения, которому еще только предстоит сформулировать ее для себя. Потому, что человек, воспитанный с ущербной системой моральных ценностей, остается животным, которым легко управлять в корыстных целях. Конец двадцатого века, когда был задуман и воплощен Бутовский мемориал, насушно требовал осмысления цены, которая уплачена за мечту о «построении светлого будущего для всего трудового народа», для всего человечества, в конце концов. Этот мемориал завершил и объединил в архитектуре символов нашу историческую память о жертвах, о цене, которую заплатил наш народ за свою независимость в двадцатом веке.

Место преступления может быть местом примирения?..
Но это место вызывает четкую и самую главную мысль: хочу, чтоб такое никогда не повторилось, не стало возможным нигде...

Литература

1. <http://pravmir.ru/protoierej-kirill-kaleda-nado-osoznat-cto-proizoshlo-s-nami-v-xx-veke/>
2. <http://www.martyr.ru>
3. <http://pravoslavie.ru/protoierej-kirill-kaleda-nado-osoznat>
4. <http://pravoslavie.ru>
5. <http://pravmir.ru/Прот. К. Каледа. Доклад на IV Международной конференции “Духовное наследие митрополита Антония Сурожского”. 2013.>
6. <http://pravmir.ru>
7. <http://pravmir.ru/Зайцев А. Почему я не могу молиться новомученикам. 8.02.14>
8. <http://foma.ru/proshloe-kotoroe-nado-voroshit.html>
9. <http://foma.ru/proshloe-kotoroe-nado-voroshit.html>